

НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ

О ЛЮДЯХ И КНИГАХ

...В открытом море — каравелла с полными ветром парусами, а вокруг — солнце и звезды, пальмы и башни замка, чайки и цветы. Эта графическая миниатюра — книжный знак, экслибрис Сергея Баруздина. Мне кажется, художник точно уловил широту и многообразие интересов известного советского писателя, секретаря Союза писателей СССР, главного редактора журнала «Дружба народов» — его неумную страсть к путешествиям и поездкам, познанию неизвестного, открытию новых стран и людей.

Особенно людей.

«Если есть у человека что-то самое счастливое в жизни, то это — встречи и, еще лучше, дружба с хорошими людьми».

Так пишет Сергей Баруздин в своей новой книге «Люди и книги» (Москва. Издательство «Советский писатель»). На ее титульном листе читаем: «Литературные заметки». Однако жанр книги шире. Это и «моментальные фотографии» известных советских мастеров прозы и поэзии, и точные, выразительные, запоминающиеся характеристики их произведений, и размышления о литературном процессе, свидетелями и участниками которого являются автор и его герои, и увлекательные мемуары...

Книгу составляют сорок четыре небольшие — по три-пять страничек — главы, озаглавленные просто по имени писателя, которому они посвящены: «О Николае Рыленкове», «О Валентине Катаеве» «Об Александре Прокофьеве»...

Убежден, что читатель с интересом познакомится с этой книгой, потому что автор в ней демонстрирует поразительное умение на предельно сжатой «площади», одной-двумя красками нарисовать портрет своего героя, показать свое отношение к нему и его литературной работе, поведать о личных встречах и беседах, сообщить что-то такое, что нередко остается вне пределов толстых монографий и научных исследований, посвященных этому писателю.

Как удается это Сергею Баруздину, какими средствами достигает он такой сжатости и выразительности?

Мне трудно уловить секрет этого умения и еще труднее изложить его на бумаге. Очевидно, дело в какой-то специфической особенности литературного дарования писателя, органически присущей ему: если он пишет стихи — то это обычно лирические миниатюры, если создает повести — то это «маленькие повести»... И вот сейчас — литературно-критические эссе, которые можно назвать «микромонаграфиями», настолько полно и многообразно воссоздается в них творческий и человеческий облик писателей, которым они посвящены.

Невольно вспоминается хрестоматийный чеховский рецепт «краткописания», высказанный в «Чайке»: чтобы нарисовать картину лунной ночи, достаточно описать отблеск луча на осколке бутылки.

С. Баруздин верен этой замечательной традиции в «Людах и книгах».

Особо следует отметить, что внимание автора привлекают не только такие общепризнанные мастера нашей литературы, как А. Гайдар и К. Федин, А. Прокофьев и Ю. Смолич, К. Симонов и С. С. Смирнов, А. Сурков и В. Катаев. В круг дружеского, заинтересованного внимания его попадают писатели, заслуживающие признания и популярности у читателей, но по тем или иным причинам обходящиеся критикой, не попадающие обычно в дежурные списки и обоймы. Тепло пишет С. Баруздин, к примеру, о Б. Егорове, И. Миксоне, И. Василенко, Э. Цюруп, Ф. Кнорре и других.

Не считает нужным он и скрывать дружеского расположения и симпатии к тем, с кем рядом пришлось ему работать, в частности, и в редакции журнала «Дружба народов», которым Сергей Баруздин руководит уже давно, — А. Зуеву и А. Салахьяну.

Вообще эта книга очень личная, субъективная в хорошем смысле слова, в ней постоянно ощущается «эффект при-

сутствия» автора — и это осознанный писательский принцип. «В литературе, — пишет С. Баруздин, — никуда не деться от субъективных привязанностей, а значит, и оценок, поскольку каждое произведение... рассчитано на индивидуальное восприятие. Без этого, по-моему, литературы и искусства нет вообще».

Раз уж пришлось упомянуть к слову «Дружба народов», то к рассказу об экслибрисе писателя, с которого я начал эту статью, добавлю, что «фирменным книжным знаком» Сергея Баруздина с полным правом можно было бы считать рисунок, украшающий обложку этого журнала: две ладони, бережно укрывающие и охраняющие дерево — единое, вечно зеленеющее дерево многонациональной советской литературы, которому он отдает так много сил и энергии.

И книга С. Баруздина еще — это доказательство этого. Среди ее очерков читатель встретит и посвященные предшественникам литературы народов Советского Союза — А. Кешокову и П. Куусбергу, Мирмухсину, К. Тангрикулиеву, Д. Кугультинову и Р. Рашидову, И. Зиедонису и А. Абу-Бакару, М. Файзуллиной и Е. Лось...

Естественно, с особым интересом читал я главы, посвященные в книге известным грузинским писателям — поэту Иосифу Гришашвили и прозаику Константину Лордкипанидзе.

Вот как, к примеру, начинается очерк «О Константине Лордкипанидзе»: «Не скрою, я испытываю большое удовольствие, говоря об этом писателе и человеке, в частности, о его книге «Когда человек один»... Автор этой книги по самому большому счету настоящий писатель. Это не частое явление среди пишущих и порой издающихся. Наконец, я знаю этого писателя, знаю, как удивительного человека, которого нельзя не принять всем сердцем и всей душой — в радостях и бедах, не принять на все времена, а ведь такое случается не каждый день»...

Такие теплые, искренние слова находит С. Баруздин для каждого, о ком пишет в своей

книге. Здесь следует отметить, что, хотя, как было сказано, в книгу включены сорок четыре главы, посвященные сорока четырем писателям, читатель, несомненно, узнает и полюбит в ней и сорок пятого — самого автора, писателя, владеющего даром увлекательного рассказчика, горячо заинтересованного судьбами советской литературы. Из всех многих черт и качеств автора хочу особо выделить три, наиболее характерные для него, на мой взгляд: интеллигентность, скромность и честность. Хотя, скорее всего, все эти три качества взаимосвязаны и друг без друга просто не могут существовать.

Для доказательства этого достаточно привести два высказывания из книги.

Вот как говорит Сергей Баруздин о некоторых произведениях, обращенных в прошлое: «Книги, конечно, разные. Хорошие, средние, плохие. Спекулятивные, написанные в угоду тому или тем, кто хотел видеть историю на свой манер. Книги, подчас наивные и неясные, в которых их авторы с так называемых «ультрамодных» позиций пытались разобраться в безразличном для них прошлом».

А вот что он пишет про авторов книг подобного жанра: «В книгах такого рода, как моя, или даже в очень важных и значительных мемуарах крупнейших военачальников, руководителей и глав государств... при всей их интересности и значимости можно легко что-то перепутать, что-то приукрасить, а самое, по-моему, страшное, — выпятив, показать себя рядом с кем-то, может быть, более значительным человеком».

Писатель верен своим принципам: откровенно пишет о своих симпатиях и антипатиях, не прячет своей слабости к детям и к литературе, создаваемой для детей, не пытается приукрасить прошлое или настоящее, скрыть свои или чужие ошибки...

Завершает книгу — совершенно неожиданно! — глава, названная «Вместо заключения, или... автобиография». Мне кажется, новая книга Сергея Баруздина сама может стать и его автобиографией, и новым разделом в его творчестве, как все, что он написал и еще напишет своим честным и безразличным пером.

Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ.